

Певец русского характера

В истории российской словесности есть фигура, которая для нас всегда освещалась закатным солнцем. Этот писатель словно бы всегда уходил, даже когда вышел к читателям со своим первым романом. Говорят, что такой трагический отблеск наложило на всю его дальнейшую литературную судьбу само программное название его первого романа «Некуда». И в таком объяснении есть определенный резон. Но несомненно, что были для постоянных закатных лучей, ложившихся на фигуру Николая Семеновича Лескова, и более глубокие причины, внутри самого движения российской литературы и движения русского общества заключенные.

Л. Аннинский в книге «Лесковское ожерелье» со свойственной этому критику поразительной эффективностью в деталях попытался вычертить кривую популярности Николая Лескова у русской широкой читающей публики. И установил, что — удивительное дело! — как при жизни, так уже и вроде бы приобщившись к сонму классиков, с нимбом великого стилиста на челе, Николай Лесков продолжал через определенные промежутки времени вдруг проваливаться в небытие тихого забвения, при котором он хотя как бы и существовал, но практически не издавался, не инсценировался и упоминался с натугой. На года, а то и на десятилетия случалось, что его имя осторожно вычеркивалось, его демонстративно (и вполне искренне!) вдруг начинали «забывать» в торжественных списках, про себя держали даже за второстепенного литератора, и требовалась определенная встряска умов, пробуждение общественного сознания, чтобы классика опять возвращали. Куда?

Нет, пожалуй, ошибутся те, кто уследит в этом постоянном уходе и возвращении Лескова только взаимоотношения скульптуры и пьедестала. Нельзя здесь представить дело так, что будто бы подсознательно в широком общественном мнении пьедестал для фигуры Лескова существовал всегда, а саму фигуру на этот пьедестал конъюнктура времени то стремительно ставила, то столь же скоропалительно убирала. Пожалуй, подлинную причину точно нащупал В. Семенов в книге «Николай Лесков. Время и книги», когда обратил внимание на особое, специфическое «замыкание» всего творчества Лескова на проблеме «новых людей».

«Лесков, — пишет В. Семенов, — не обладал «иступленным» пророческим даром Ф. Достоевского, не надеялся изменить мир в согласии с новой моралью, как яснополянский философ, он знал, что рано или поздно сам народ выдвинет из своей среды подлинных героев, «новых людей».

И далее В. Семенов весьма знаменательно уточняет свою мысль:

«Лесков принадлежит XIX веку, вернее — последней его трети. Но, как певец русского характера, как «чародей слова», он остается нашим современником и вечным спутником».

Из анализа, проделанного В. Семеновым в его обширной монографии, четко вытекает, что приливы и отливы популярности

Николая Лескова совершенно синхронны с приливами и отливами общественного внимания к появляющимся «новым людям», да еще в таком обрамлении, как соответствие этих появляющихся «новых людей» русскому характеру и русской культуре, «русскому слову».

Вспомним: Николай Лесков одним из первых в русской литературе попытался рассмотреть противоречивый облик нигилиста. Л. Аннинский пишет о Лескове:

«Сам он решал вопрос так: есть нигилисты плохие и есть хорошие. Эта мысль, мучительная неразрешимостью прошедшая через всю жизнь Лескова, изложена им при начале работы над романом «Некуда» в рецензии на роман Чернышевского «Что делать?». Никто еще тогда не отдавал должное тому парадоксу, что человек, которому предстоит в ближайшие месяцы прослыть грозой нигилистов, выступает в поддержку их вождей».

И попытке разрешения этого им подмеченного парадокса Л. Аннинский практически посвящает всю свою книгу. Сам склонный к парадоксальному мышлению, Л. Аннинский насыщает и даже перенасыщает логику своих рассуждений фактами «качающейся почвы» — как под самим Лесковым, так и в те периоды, когда общество уже в более позднее время к его творчеству энергично обращалось. Что усиленно хочет внушить Л. Аннинский? А в общем-то очень несложную (но почему-то трудно усваиваемую нами) мысль, что Николай Лесков был первым русским писателем, который попытался показать, что исповедовать программу «новых людей», то есть программу переустройства общества, еще не значит самому тут же становиться «новым человеком», что надо еще уметь своими словам, своей прекрасной и широковещательной программой нравственно соответствовать.

И надо сказать, что тут Л. Аннинский — не первооткрыватель. Современный критик лишь следует Льву Толстому, который в 1890 году написал:

«В шестидесятых годах на очереди стояли государственные задачи, а моральный прогресс подразумевался сам собой... Один автор «Некуда» требовал его прежде всего и указывал на отсутствие его начал в жизни даже лучших людей того времени».

Кстати, и М. Горький (которому XX век обязан реабилитацией Лескова от критического ostrакизма) в статье «Разрушение личности» проводит близкую мысль. М. Горький прямо называет и постоянный источник посрамления «новых людей», ту ржавчину, которая сразу начинает их разъедать и от которой даже лучшим людям порой очень трудно бывает отчиститься:

«Мещанство — проклятие мира; оно пожирает личность изнутри, как червь опустошает плод; мещанство — чертополох; в шесте его, злом и непрерывном, несильно угасает звон мощных колоколов красоты и бодрой правды жизни. Оно — бездонно жадная трясина грязи, которая засасывает в липкую глубину свою гению, любовь, поэзию, мысль, науку и искусство».

Болезненный этот нарыв на могучем теле человечества ныне, мы видим, совершенно разрушил личность, привнеся в кровь ей яд нигилистического индивидуализма...».

А во вступительной статье к выпущенным в 1923 году

избранным сочинениям Лескова в трех томах М. Горький объяснял и то, что противопоставлял Лесков мещанскому варианту нигилизма, указав, что это — «писатель, открывший праведника в каждом сословии, во всех группах...» (подчеркнуто мною. — А. Б.).

Итак, антитеза, в существовании которой Николай Лесков видел главного врага русского общества, заключалась в постоянном противоборстве: мещанин против проповедника. Проповедник, подобно мессии, приходит с идеалом. Проповедник хочет преобразовать общество на идеальных началах, а мещанин тут же проповедника хват за грудки и ну тащить в свою трясину. Социального противника, эксплуататора разоблачить и сбросить с народных плеч легче: с ним ясно, что он хапает чужое. А мещанин? Он-то разлагает личность человеческую изнутри, он «всего-навсего» не хочет нравственно совершенствоваться, то есть, проще говоря, не хочет сам быть Человеком и не дает стать человеком другому.

Даже в романе «Некуда» (может быть, самом неудачном своем романе, в котором идея разошлась с ее художественным воплощением) Николай Лесков не перестает верить в конечное торжество Проповедника, человека-подвижника. Между прочим, на это тоже обратил внимание еще М. Горький.

Н. С. ЛЕСКОВ.

«Но особенно важно для Лескова то, — писал он, — что в этой книге, среди толпы людей жалких и нечестных Лесков нашел героя по душе себе, — это Райнер, идеалист, чудачковатый и несколько похожий на Рахметова в знаменитом романе Чернышевского «Что делать?». Этот Райнер именуется себя социалистом, открыто ведет революционную пропаганду в России и погибает, как герой, в бою... Лесков окружил Райнера сиянием благородства и почти святости...».

Проследив эволюцию творчества Лескова в своих работах о нем, критики Л. Аннинский и В. Семенов справедливо взяли в основу собственных концепций именно такое горьковское — диалектическое — отношение к лесковскому наследию. Оба критика, хотя и в разной форме, обратили внимание также на то, что Николай Лесков по самому существу своего творчества был романтиком. В период, когда русская литература уже вышла к реалистическому творческому методу и щедро осваивала богатства реалистической типизации, Николай Лесков не только

по философии своего писательского мышления, но и по самой своей стилистике, по практике обращения со словом предпочитал романтизм. И, кстати, именно отсюда рождалось его повышенно требовательное, мы бы сказали, идеально завышенное отношение к представителям «нигилизма», к «новым людям». Всем сердцем своим приветствуя идеи «новых людей», Николай Лесков, как истый романтик, хотел, чтобы и в обыденной жизни, в мелочах обыкновеннейших буден, житейских взаимоотношений «новые люди» тоже были бы совершенно идеальными.

У Лескова был, как бы мы теперь сказали, «булгаковский желчный взгляд», он видел «новых людей» рядом с собой, и он вот уже готов был публиковать шаржи на прогрессивных деятелей своего времени только за то, что в чем-то они оставались «людьми», а еще не богами на котурнах. Как тонко подметил Л. Аннинский, передовым людям, с которыми общался Н. Лесков, приходилось не сладко: Лесков не стеснялся вынести «подноготную» в печать и хотя он не называл имен, но писал столь всегда рельефно, что лицо (как его автор ни маскировал) сразу же узнавалось. А это уже скандал, это надолго испорченные отношения с современниками, причем с умами лучшими.

Романтизм Николая Лескова объективно был консервативным. Не принимая мещанства и возвращаясь в феодальную Россию буржуазных отношений, Николай Лесков смотрел не вперед, а назад. Как гениально объяснил М. Горький:

«Ум Лескова — ум трезвый и недоверчивый, он во всем сомневался, но задачу оправдать Русь, написать милые иконы ее праведников для радости грешных, — эту задачу он поставил не от ума, а от сердца. И потому его Ванюша, Райнер и все другие, очарованные любовью к жизни и людям странники мира сего, так прелестно жизненны, так физически ощутимы сердцу неподдельного и вдумчивого читателя».

Для нашего современного отношения к Николаю Лескову, для понимания того, почему в последнее время опять столь сильно возрос интерес к этому противоречивому и духовно сложному писателю, очень важно помнить о горьковском прочтении Лескова.

И поэтому-то монографии Л. Аннинского и В. Семенова нам и представляются принципиальными удачами в изучении творчества автора «Левши» и «Леди Макбет Мценского уезда», «Запечатленного ангела» и «Тупейного художника», «Соборный» и «Очарованного странника», что оба критика сумели интересно развить горьковскую концепцию. А это значит — сумели с современных позиций снова вернуть выдающегося русского писателя его духовным наследникам и почитателям. При этом оба исследователя ярко воссоздали не только образ самого Лескова, но и «мир Лескова». Монографии, особенно Л. Аннинского, написаны живо, увлекательно, постоянно вводят читателя в круг споров вокруг имени Лескова и, делая читателя как бы одним из участников этих споров, умно, без нажима проповедают высокую нравственность, чистоту идеалов, презрение к потребительству и вещизму. В последнем, может быть, содержится и ответ на вопрос, почему сейчас вышли сразу две монографии о Николае Лескове, почему увеличилось число инсценировок и экранизаций его произведений. Современный читатель нашел у классика очень нужную сейчас всем критику бездуховности и прагматизма, веру в высокие духовные первоисточники национального самосознания, в неперемное торжество праведной, непотребительской жизни.

Александр БАЙГУШЕВ